

О книге Константина Бельды «Предания земли нани»

*Кто к исходу летней ночи
Дивно так щебечет в роще
Средь рассветного огня?*

– Это – я.

*Человечек или птаха,
Кто в огонь летит без страха,
Будто солнышку родня?*

– Это – я.

*Над тайгою, над волнами,
Обнимая мир крылами,
Вместе с вами я парю,
От беды его храню.*

Анна Ходжер

Цивилизованный человек воспринимает подобные приемы как слащавую литературщину. А вот *они* в разборе полетов усматривают протокольную регистрацию заурядных фактов.

Как раз об этом – недавно вышедшая книга Константина Бельды, прошедшего путь профессионального охотника, рыбака и всю свою жизнь посвятившего сохранению и развитию культуры нанайского народа.

Если сравнивать ее с другими произведениями, написанными об аборигенах, то именно в ней – самая глубокая философия. Потому что здесь все безыскусно, просто и документально. Всё так, как есть, минимум сочинительства, если не вообще наличие отсутствия. И это главное литературное достоинство. Сочинить бы я и сам сумел, но мне хочется познаться не с изобретательскими способностями автора, а узнать, какими были уклад, быт, мировоззрение, верования, духовно-экологические устои хозяев нашей дальневосточной земли, народа, овладевшего секретом счастья и не нанесшего за долгие века ни малейшего ущерба родной природе. А то читаешь и вздыхаешь, – да, мастер слова творчески подошел к правде жизни, не забыл и о завязке-развязке, и о сюжете вкупе с психологической динамикой в развитии образов. Но зачем он все это выдумал, и какие у него были соображения, мне неизвестные, и из какого материала он изготавливал свой конечный художественный продукт?

Главная фигура у Константина Бельды – шаман Пилха Бельды.

Тема, конечно, не новая и не слишком оригинальная. Вспомним хотя бы «Белого шамана» Николая Шундика и его трехсерийную экранизацию. Читатель, да и сам автор видят нестандартного героя со стороны. Впрочем, и у классиков нанайской литературы то же. Чересчур они стали цивилизованными, и на свой собственный мир, на свою культуру, на свою магию смотрят уже глазами белого человека, добровольного пленника асфальта и прогресса. Объективно и рационально, то есть отстраненно-отчужденно.

Константин Бельды предоставляет возможность посмотреть на магическую кухню изнутри. Потому что существуют шаманы более сильные и

менее сильные, люди, почти созревшие до нужного уровня и другие, едва-едва ощущающие в себе нечто чудодейственное, короче говоря, есть непрерывный ряд, начинающийся все же не с абсолютного нуля. Ну кто сможет понять поэзию лучше, чем поэт, хотя бы и неопытный, но увлеченный. Вот и у *них*, – внутреннюю сущность камлания воспринимают всерьез, с уважением и доверием все, и каждый хоть чуточку ощущает, что это он, вместе с вершителем чуда, вошел в нужное состояние и теперь летит в трансграничное путешествие в поисках родного человека, потерявшегося на войне.

Это и можно найти в повести о Пилхе Бельды, а вот эффектных цирковых трюков, конвульсий, пены у рта, дьявольских телодвижений вовсе нет.

Ну а в русской культуре разве не такие же чудеса, как в нанайской? «Среди огня ожиданием своим ты спасла меня».

И касательно русского бабьего камлания возможен такой же рациональный сарказм, – интересно, каковы же механизмы превращения твоих эмоций в силы воздействия? Да нет тут никаких загадок: «Просто ты умела ждать, как никто другой». И сколько бы я ни спрашивал у студенток, – верите ли вы, что ожиданием, любовью можно спасти родного человека от бед и опасностей на другом конце Земли, – ни разу я не уловил в их ответах даже оттенка сомнения. Но ведь и шаманы творят по просьбам людей свое обыкновенное чудо любви. И спасают. Излечивают. Предостерегают. Воспитывают.

Сейчас и западный мир начинает со скрипом признавать, – а ведь в этом что-то есть. Не все тут мистификация, обман необразованной, суеверной аудитории. Много пишут об ИСС – измененных состояниях сознания. Признают, что мир предстает другим, если посмотреть на него в другом состоянии, кроме взвешенно-аналитического. Об этом и Мартин Хайдеггер, философ от бога; таких мало, настолько мало, что если самую краткую философскую энциклопедию сократить до десятка имен, то и в ней найдется место М. Хайдеггеру.

Если есть измененные, то значит, есть и неизменное, равнодушно-бесстрастное состояние, и его-то как раз и описал гений земли русской, – не ведая ни жалости, ни гнева, добру и злу внимая равнодушно. Неужели именно в наблюдающей констатации реализуется нормальное состояние сознания, относительно которого все прочие квалифицируются как ненормальные, измененные? Не наоборот ли, именно для получения научных данных нужен особый, деловой, деятельностный подход? М. Хайдеггер рассуждает примерно так, – ну почему в таких состояниях, как созерцательная отрешенность, как страх, призыв, вина, совесть и многие другие, когда мы тоже создаем представления о мире, результаты не то чтобы не принимаются всерьез, а вообще не обсуждаются?

Термин *Gelassenheit*, отрешенность, в средневековой немецкой мистике использовался в смысле «оставить мир в покое, таким, как он есть, не мешать естественному течению вещей и предаться богу». Но ведь это и есть в точности китайский принцип «увэй», недеяния, при соблюдении которого человеческая деятельность как раз и создает Всеединство, неразрывную целостность человека и Природы, всего мироздания!

...Разговариваем с Константином Мактовичем на кухне его квартиры в Троицком, столице района, в котором проживает четверть всех нанайцев планеты. Конечно, обмолвился я мимоходом, вам тут прожить можно, – на Амуре, посреди речушек, проток и заливов без рыбы не останетесь. Да нет, вздыхает Костя, рыбой мы уже не питаемся, отравленная она, несъедобная...

Да как же все это могло произойти? И вот какие выводы мы приняли после неспешного обсуждения. Жили себе нанайцы, не ведали, не гадали, что природные продукты питания могут стать опасными для жизни. Не предупредил их Минздрав. Не появился еще такой неведомый местному населению зверь.

И когда в эти края пришли русские, они поразились богатству здешней природы. И решили на практике доказать, что она неисчерпаема. Результат получили математически строгий и однозначный. Отрицательный. Нанайцы тоже считали все бесконечным, безграничным, но они не стремились проверить эту гипотезу, не пытались вычерпать до дна бездонную кладовую.

Да у них просто ума не хватило, возражают мне мои цивилизованные оппоненты. Какими были их возможности, ведь ни науки у них не было, ни техники, ни комфорта, ни связи, ни школ, ни музеев! Наелся как медведь, – и на боковую!

А зачем понадобилось создавать такую науку, которая в состоянии уничтожить всё на свете? Зачем было знать точную взаимосвязь явлений, железную логику событий, если любой поворот дела был приемлемым для человека? «Возможно ли осуществление надеяния, если познать все взаимоотношения в природе?» – беспокоился древний китайский мудрец Лао-цзы. Оставьте все в природе как есть, не стремитесь управлять, переделывать, насиловать, природа ведь так прекрасна, неужели вы не видите? «Предоставьте всем вещам идти их естественным ходом, и не вмешивайтесь».

Для монголов-язычников все природные стихии были священны, карой за их осквернение определялась смертная казнь. И потому обычай не позволял загрязнять воду даже стиркой, одежду носили такой, как впервые недели, до полного обветшания.

«Наши предки обожествляли окружающий мир, считали его живым существом, равным себе. И потому относились к нему с большим уважением, осторожностью, старались не наносить ему урона, вреда, пользовались природными богатствами в меру жизненных потребностей, зная, что этим добром должны пользоваться многие поколения потомков, пока будет светить на небе самый главный Бог – Солнце» (К. Бельды).

Ну что тут скажешь? Затронута самая сердцевина глобальных проблем человечества. Конференция Рио-92, самый представительный форум за всю историю цивилизации, вынесла на передний план вопрос об устойчивости нашего общего развития. При этом устойчивым названо такое продвижение вперед, которое обеспечивает удовлетворение потребностей существующего поколения, не лишая такой возможности поколения будущие. Нынче уже очевидно, – цивилизация живет одним днем, по принципу «после нас хоть трава не расти». Она и не растет, все исчерпано, деформиро-

вано, загрязнено. О каких детях, внуках, тем более правнуках может идти речь, если уже сейчас по донышку скребем!

И ведь жить так, как нанайцы жили, чукчи, эвены, селькупы и другие «великие малые народы», вовсе не трудно, никому не надо себя ни в чем ограничивать, естественные потребности невелики и легко, безо всякого урона для природы, могут быть удовлетворены. Вы только вникните в тональность повествования К. Бельды, найдете вы в нем описание страданий, нехватки, угнетенности? Нет же, все очень светло, одушевленно, радостно. Игруют детишки, вся семья отправляется на несколько дней собирать черемшу, едут за голубицей... Семь лет мак не родил, и голоду не бывало, говорят русские. Если бы было бы невыносимо тяжело, обошлись бы и без черемши, и без голубицы, и без мака.

...Ну ладно, продолжаем мы застольную беседу, рыба несъедобна, потому что некуда ей выпрыгнуть из воды, в которой нынче представлена вся таблица Менделеева. Но вот вольные птицы, пытаюсь я подкорректировать пессимизм собеседника относительно даров цивилизации... Сколько у вас тут фазанов! А утки, глухари, рябчики...

Да нет, говорит Костя, фазан для меня запретная пища. Моя мама (это Тойла Бельды, кстати сказать, член семейной охотничьей бригады в колхозе села Дада – Ю.С.) очень хотела иметь ребенка, но... И вдруг ей приснился павлин. Спустя положенное время на свет появился я.

Интересная последовательность умозаключений выстраивается. Под знаком павлина, даже больше, под воздействием павлина родился я, значит, мне запрещается уничтожать эту амурскую жар-птицу. Однако...

Шестьдесят три белых верблюда принес в жертву к своему последнему дню рождения пророк Мухаммед. И если я, допустим, родился под знаком орла, то я и буду украшать свой ритуальный головной убор орлиными перьями. И к своему ближайшему, 21 июня 2009 года, дню рождения Константин Бельды должен украсить свое жилище чучелами семидесяти пяти дальневосточных павлинов и устроить пир на весь некрещеный мир из мяса жертвенной птицы. Почему нет?

Мало иметь исходные посылки (знамение матери, например), чтобы выносить окончательные суждения. Нужна еще цепь промежуточных звеньев в последовательности рассуждений. А они predetermined всем мировосприятием народа. И если оно сводится к тому, что уничтожать природу – грех перед собственной совестью, то вывод из любых посылок predetermined заранее – убивать нельзя, брать лишнее наказуемо, желать кому-то зла опасно для самого себя. И так далее.

...Еще свидетельство. Каждый в этом мире имеет свою долю от всех прибитков мироздания. Вот сидим мы втроем – Бельды Костя, Бельды Зина и я. На столе четыре рюмки. Да что они, до трех считать еще не научились, едва не возмутился я вслух. Нет, скорее, это я еще не научился считаться с четвертым не лишним, вечным и вездесущим. Подняли, чокнулись, брызнули в угол дома Костя и Зина из своих рюмок. И я тоже окунул пальцы в свою порцию и слегка махнул в ту же сторону. Делиться надо. Чтобы дух незримо и неслышимо принял участие в нашей мирной беседе.

Тоже философия. Положено – отдай. И не переусердствуй при этом. Всю-то рюмку выливать нельзя. Чтобы у духа наутро голова не болела.

И шаманами не рождаются, шаманами становятся. Как стать профессионалом, если предрасположенность есть у всех? Для этого надо много пережить, надо выстоять против невыносимых потрясений и ударов судьбы. И после того, как человек всё преодолел, всё превозмог, он уже не может остаться таким, каким был до испытания. Он переходит на другой, более высокий духовный уровень.

Пилха Бельды был сильным, удачливым охотником, добывал и кабана, и медведя, но однажды после того, как в илистой протоке в борьбе с большим сазаном он получил рану от собственной остроги, стопу ему ампутировали, чтобы избежать гангрены. Об охоте пришлось забыть. Страдания пробудили в нем дремавшую силу мага. Появились несвойственные ему черты, он замыкался в себе, брал в руки бубен, начинал петь песни. Наконец он обратился к старику Подали, который окончательно вселил в него настоящую добрую силу шамана.

И такова же история большинства, если не всех, шаманов Севера. Настоящий духовный подвиг потребовался от каждого из них в критический момент личной жизни. Они переходили в другое состояние сознания. А дальше все это смыкается и с Мартином Хайдеггером, с европейскими, индийскими, китайскими просветленными искателями истины, исламскими суфиями...

Повествование Константина Бельды это весточка из другого мира, где правят добро и взаимопомощь, а не алчность и конкуренция.

Вспомним, что благая весть в буквальном смысле и есть Евангелие. А потому книгу К. Бельды можно назвать Евангелием от Природы и народной культуры.

Член Союза писателей России,
профессор Тихоокеанского государственного университета

Ю.С. Салин 17.04.09